Трунов Ф.О.¹, 2020

**Феномен державы без права
на обладание ОМУ/ОМП:
Германия и кризис контроля
над вооружениями**

Аннотация. В Евро-Атлантическом сообществе Германия являет собой пример «восходящей державы», де-юре не имеющей права на производство основных видов ОМУ / ОМП, а также на владение и распоряжение ими. В статье анализируется стратегическая линия ФРГ в условиях современного кризиса контроля над вооружениями. Показывается историческая детерминированность добровольного безъядерного статуса ФРГ, который был определен в Договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии (1990). Отмечается, что данный запрет стал предпосылкой компенсационной стратегической линии ФРГ на недопущение увеличения числа государств, обладающих ОМУ / ОМП.

В этой связи рассматриваются усилия ФРГ по подготовке и заключению соглашения о Совместном всеобъемлющем плане действий (СВПД) по иранской ядерной программе (2015). Официальный Берлин включился в переговорный процесс в рамках формата «Е3» («евротройка» в составе Великобритании, Германии, Франции); применение формулы «Е3+3» вместо «5+1» способствовало нивелированию безъядерного статуса ФРГ, не имеющей, в отличие от других стран – участниц «иранской шестерки», постоянного места в Совете Безопасности ООН. Анализируются усилия Германии по сохранению СВПД и ее стратегия после

¹ Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН (1 trunov@mail.ru).

выхода США из этого соглашения. Демонстрируются успехи и неудачи ФРГ (по сути являющиеся производной от экономического санкционного давления США) в деле сохранения «ядерной сделки» с Ираном. Особое внимание уделяется динамике и перспективам использования формата ЕЗ.

Выражая обеспокоенность планами США по выходу из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), Германия в то же время последовательно критиковала Россию за несоблюдение условий этого договора. В статье подчеркивается детерминированность отказа ФРГ от инициативы РФ по введению моратория на размещение РСМД в Европе и рассматриваются возможные сценарии действий Германии в случае кризиса с пролонгацией договора СНВ-III с учетом ее позиции по заключению договора о запрещении ядерного оружия.

Ключевые слова: Германия, неядерный статус, СВПД, ДРСМД, «евротройка», контроль над вооружениями, НАТО, Трамп.

По сравнению с большинством других наиболее влиятельных государств мира ФРГ имеет ряд уникальных характеристик. Она относится к категории «восходящих держав» и является, по сути, единственной «восходящей державой» в пределах Евро-Атлантического сообщества. Несмотря на то что Германия – крупное и влиятельное государство, она входит в число немногих стран, добровольно отказавшихся от производства всех основных видов ОМУ / ОМП, а также от владения и распоряжения ими (1990). Этот факт де-юре отличает ФРГ от большинства государств мира, включая даже те, которым она оказывает активную помощь, в том числе военную, в урегулировании внутренних вооруженных конфликтов.

С одной стороны, статус державы, добровольно отказавшейся от ОМУ / ОМП, весьма выигрышный в имиджевом плане, является одной из основных предпосылок для позиционирования Германии в качестве глобального миротворца. С другой стороны, такой статус существенно повышает чувствительность ФРГ к возникновению любых кризисных ситуаций в области контроля над вооружениями. Это связано со стремлением Германии не только обеспечить должную степень своей безопасности и обороны, но и сохранить свою роль в мирополитической архитектуре, учитывая невозможность де-юре дать симметричный ответ на неконтролируемое распространение ОМУ / ОМП. Соответственно, данные факторы обу-

словливают необходимость поиска асимметричных решений как в политико-дипломатической, так и военной сфере. В этой связи *задача* настоящей статьи – проанализировать стратегическую линию ФРГ в условиях современного кризиса контроля над вооружениями.

Основной *метод* исследования – ивент-анализ, т.е. изучение содержания, направленности и последствий значимых действий ФРГ в этой области. Современные исследователи (особенно германские) создали большой задел в изучении политики Германии по вопросам контроля над распространением ракетно-ядерных вооружений. В настоящее время в центре внимания находятся проблемы, связанные с участием ФРГ в сохранении иранской «ядерной сделки» [Rudolf, 2018; Schaller, 2019] и обеспечением собственной безопасности в условиях прекращения действия Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) [Major, 2019; Meier, 2019; Von Richter, 2019]. Интересно, что большинство специалистов полагают, что ФРГ следует играть более активную роль в переговорных процессах по ОМУ / ОМП; в частности, некоторые аналитики считают Германию основной защитницей Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по иранской ядерной программе [Schaller, 2019, S. 21–24]; другие критикуют ее за недостаточно активные действия по сохранению ДРСМД [Von Richter, 2019, S. 2–8]. Однако многие «узкие» места германской переговорной позиции требуют не только дополнительного освещения, но и более подробного объяснения детерминированности этой позиции.

Исторические предпосылки принятия безъядерного статуса

В годы холодной войны неоднократно обсуждался вопрос об обретении Боннской республикой собственного ядерного оружия (что технологически не представляло и не представляет для ФРГ серьезной проблемы). Однако в биполярных реалиях тех лет подобная идея вызывала сопротивление сразу с двух сторон. С одной стороны, СССР и его союзники по ОВД традиционно демонстрировали повышенную обеспокоенность качественным расширением

арсенала вооружений Западной Германии¹. В конце 1960-х годов инициатива администрации Л. Джонсона о возможном подключении ФРГ к системе ядерного планирования НАТО [Лекаренко, 2015, с. 108–110] вызвала закономерную жесткую реакцию со стороны СССР. С другой стороны, против «нуклеаризации» ФРГ выступал ряд ее партнеров по Евро-Атлантическому сообществу, прежде всего Франция. Лишь в обмен на отказ Западной Германии от разработки ЯО французская сторона дала согласие на вступление ФРГ в НАТО, что было закреплено в Парижских договорах (1955). Опасаясь критики со стороны партнеров, Боннская республика активно «выводила» предприятия по разработке «мирного атома» со своей территории, в частности в Нидерланды, где в конце 1960-х – начале 1970-х годов при участии западногерманских специалистов были запущены две АЭС.

Проблема была решена лишь с заключением Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии (12 сентября 1990 г.). В обмен на огромные уступки со стороны держав-победительниц во Второй мировой войне (особенно со стороны СССР) – вывод советских войск с территории бывшей ГДР, отказ от прав и обязанностей в отношении Германии, согласие на ее объединение и обретение ею полного формального суверенитета – ФРГ принимала на себя ряд ограничений в военной сфере. Следует подчеркнуть, что все эти ограничения имели добровольный характер. Во-первых, Германия заявила о полном отказе от производства атомного, биологического и химического оружия (*нем.* ABC-Waffen), равно как от владения и распоряжения таким оружием [Договор..., 1994]. Интересно, что это была единственная уступка, на которую кабинет Г. Коля / Г.-Д. Геншера пошел без каких-либо проволок в ходе переговоров [Из беседы..., 2006]. Основная причина этого – полное согласие держав-победительниц (СССР, Франции, Великобритании и де-факто США) по данному вопросу, что не могли не учитывать власти Боннской республики. Во-вторых, ФРГ обязалась установить «потолок» общей численности военно-

¹ Вопрос об обретении ГДР собственного ядерного оружия не ставился в принципе.

служащих бундесвера (вместе с переходившими в его состав войсками ГДР) в 370 тыс. солдат, офицеров и генералов, в том числе для сухопутных войск и военно-воздушных сил (суммарно) – 345 тыс. военнослужащих [Договор., 1994]. Это самоограничение, имевшее не только количественное значение, но и дававшее немаловажный качественный эффект, строго лимитировало возможности объединенной ФРГ по развитию своего военного потенциала. При этом особо оговаривалось, что любая попытка пересмотра данных положений как де-факто, так и де-юре автоматически поставит вопрос об аннулировании всех пунктов договора от 12 сентября 1990 г., в том числе согласия держав-победительниц на объединение Германии.

Соответственно, необходимость соблюдения указанных самоограничений приводит к тому, что в общеполитическом плане ФРГ стремится компенсировать свой неядерный статус (и в целом статус государства без права на ОМУ / ОМП), стараясь не допустить обретения оружия массового уничтожения странами, не входящими в легальный «ядерный клуб»¹.

Германия и иранский «ядерный вопрос»

С начала XXI в. ФРГ уделяла повышенное внимание вопросам, связанным с деятельностью Ирана по созданию ядерного оружия. Уже в 2003 г. при активном участии официального Берлина был создан формат ЕЗ («евротройка») в составе Великобритании, Германии, Франции для ведения переговоров с Ираном – с целью не допустить перерастания иранской программы «мирного атома» в программу по созданию ОМУ. Чем было обусловлено повышенное внимание ФРГ именно к Ирану (при наличии северокорейской «ядерной программы»? Что повлияло на выбор момента и состава участников переговоров?

¹ Государствами – членами легального «ядерного клуба» являются пять постоянных членов Совета Безопасности ООН: Российская Федерация (как преемница СССР), Соединенные Штаты Америки, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Французская Республика, Китайская Народная Республика.

Следует напомнить, что Иран имеет особую стратегическую значимость для Германии. Разветвленные связи между двумя странами сформировались уже в 1960–1970-е годы, когда ФРГ стала одним из основных партнеров Ирана в процессе модернизации экономики страны, в том числе создания полноценного промышленного сектора. Использование этого потенциала позволило официально Бонну/Берлину сохранить партнерские отношения с Ираном после провозглашения Исламской Республики (1979). При этом ФРГ не может не учитывать нынешней рост влияния и политического веса ИРИ на Ближнем и Среднем Востоке (БСВ). В 2010-е годы укрепление иранских позиций в регионе стало препятствовать расширению присутствия ФРГ (в том числе – в политико-военной сфере) в Ливане, Сирии, Ираке и Йемене [Leemhuis, 2018, p. 2–4]. Однако, оказывая противодействие ИРИ, Германия склоняется не к усилению конфронтации с Ираном, а к поиску компромиссов, справедливо полагая, что подобная политическая линия может стать залогом успешного встраивания ФРГ в региональную подсистему БСВ. «Краеугольным камнем» сегодняшних отношений ФРГ и ИРИ является заключение и сохранение «ядерной сделки» – Соглашения о всеобъемлющем плане действий (2015).

Не случайно подготовка к решению данных задач началась в 2003 г., когда «коалиция желающих» во главе с США и Великобританией провела масштабную операцию в Ираке, приведшую де-факто к разрушению института власти в этой стране. Предлогом для развязывания войны, имевшей своим следствием дестабилизацию обстановки не только в Ираке, но и на всем БСВ в целом, было обвинение режима С. Хусейна в разработке химического и бактериологического оружия. Германия, которая не только не поддерживала, но и осудила действия «коалиции желающих» в отношении Ирака, стремилась не допустить возникновения предпосылок для реализации подобного сценария в случае Ирана.

При этом формат «евротройки» был выгоден ФРГ в двух отношениях. Во-первых, он позволял объединить усилия германо-французского тандема и Великобритании и таким образом свести к минимуму риски, связанные с поддержкой Соединенным Королевством возможной военной кампании США против Ирана. Во-

вторых, обращение к формату ЕЗ обеспечило ФРГ органичное встраивание в состав «иранской шестерки» в качестве единственной неядерной державы среди участников переговоров и непостоянного члена Совета Безопасности ООН. Примечательна разница между Германией и США в прочтении формулы «иранской шестерки»: если Белый дом следовал схеме «5+1», то официальный Берлин придерживался формулы «ЕЗ+3» [ЕЗ statement., 2019], тем самым нивелируя свое отличие от остальных стран – участниц переговорного процесса. Соответственно, в такой схеме США оказывались в одной группе с Россией и Китаем, и это не только в некоторой степени противопоставляло Соединенные Штаты «евротройке», но и страховало ЕЗ от неожиданных действий со стороны американского партнера (которые действительно вскоре осуществила администрация Д. Трампа).

Все страны-подписанты (в том числе не только ЕЗ, но США в лице администрации Б. Обамы) рассматривали заключение Соглашения о всеобъемлющем плане действий (14 июля 2015 г.) как крупнейший дипломатический успех, демонстрировавший возможность политико-дипломатическим, т.е. невоенным, путем добиться отказа страны от стремления обрести ЯО. При этом германская сторона – как официальные власти, так и СМИ – повсеместно подчеркивала важную роль, которую сыграл Ф.-В. Штайнмайер (в тот момент – министр иностранных дел, ставший в 2017 г. федеральным президентом) как главный «архитектор» СВПД [Iran nuclear., 2018], тем самым опосредованно указывая на роль ФРГ в успешном завершении переговорного процесса.

Напряженность вокруг «ядерной сделки» с Ираном возникла и стала возрастать после прихода к власти администрации Д. Трампа (январь 2017 г.), который во время предвыборной кампании неоднократно подчеркивал свое стремление выйти из соглашения в одностороннем порядке. А. Меркель в ходе визита в США 27 апреля 2018 г. уделила основное внимание иранскому «ядерному вопросу», стремясь сделать все возможное для сохранения СВПД [Pressekonferenz., 2018 a]. Она заявила, что вся «евротройка» выступает против выхода США из «ядерной сделки» и в связи с этим будет готова предпринять ответные шаги. Переговоры с А. Меркель

не повлияли на позицию 45-го президента США – 8 мая 2018 г. он заявил, что Соединенные Штаты прекращают участвовать в реализации СВПД. В ответ в тот же день (!) было опубликовано совместное заявление стран – участниц ЕЗ, резко осуждавших действия Белого дома и настаивавших на необходимости сохранения СВПД в силе даже без участия США [Gemeinsame Erklärung., 2018].

С общеполитической точки зрения ФРГ сумела достичь значительного прогресса на пути к этой цели. Ежеквартально стали проводиться встречи с иранской стороной в формате «ЕЗ+1» [Deutschland und Iran., 2019]. Одновременно «евротройка» интенсифицировала сотрудничество с Китаем и особенно с Россией – странами, которые не только выступали за сохранение «ядерной сделки», но и имели более доверительные отношения с Исламской Республикой Иран [Ibid.]. В этом контексте особо следует отметить регулярные заявления, которые делала «евротройка» в поддержку сохранения СВПД, неизменно содержавшие не только критику политической линии администрации Д. Трампа в отношении Ирана, но и подчеркивавшие ее негативное влияние на поддержание глобальной архитектуры безопасности в целом. Одно из этих заявлений было опубликовано 14 июля 2019 г., т.е. в пятую годовщину подписания СВПД [E3 statement., 2019].

Германская дипломатия смогла добиться того, что Великобритания стала полноценным участником «евротройки», несмотря на проблемы, связанные с Брекситом, и укрепление позиции «трампистов» (прежде всего Б. Джонсона) в Соединенном Королевстве. Как показали переговоры А. Меркель и Б. Джонсона (избранного премьер-министром 21 августа 2019 г.), вопрос сохранения СВПД должен был остаться одним из важнейших элементов в двусторонних отношениях даже в случае намечавшегося «жесткого» (т.е. без «сделки» с ЕС) варианта выхода Великобритании из состава объединения [Pressekonferenz., 2019]. Так, 11 ноября 2019 г. прошел очередной раунд консультаций глав внешнеполитических ведомств ЕЗ по сохранению СВПД [Aktuelle Krisen., 2019].

Подвергая критике действия администрации Д. Трампа, официальный Берлин в то же время уделяет повышенное внимание выполнению положений СВПД самим Ираном. В частности,

А. Меркель в ходе телефонного разговора с президентом Ирана Х. Рухани 10 мая 2018 г. (т.е. спустя два года после выхода США из СВПД) выразила высокую обеспокоенность развитием ракетной программы ИРИ [Bundeskanzlerin., 2018]. Одновременно она подчеркнула приверженность «евротройки» сохранению соглашения как залога обеспечения разрядки напряженности в отношениях с Ираном [Ibid.]. Интересно, что Германия стала вести диалог по ракетной программе Ирана не только в формате Е3, то и в формате Е4 (т.е. с участием Италии) [Meier, 2019, S. 8], тем самым укрепляя консенсус между ведущими странами – участницами ЕС по вопросу о необходимости сохранения СВПД.

Существенным препятствием для продвижения переговоров «евротройки» с Ираном стали новые экономические санкции против официального Тегерана, поэтапно вводившиеся администрацией Д. Трампа: 7 августа 2018 г., 5 ноября 2018 г., 2 мая 2019 г. Помимо прочего, они нанесли значительный урон германо-иранской торговле, бурно развивавшейся в 2016–2017 гг. после отмены антииранских санкций в рамках реализации СВПД. В 2018 г. объемы внешнеэкономического сотрудничества ФРГ и ИРИ упали на 7% по сравнению с предшествующим годом (до 3,15 млрд евро), а в первой половине 2019 г. – сократились вдвое (!) по сравнению с первыми шестью месяцами 2018 г. [Deutschland und Iran., 2019]. Санкционное давление США, приводившее к обострению социально-экономических проблем в Иране, поставило под вопрос успех сохранения СВПД. В этой ситуации глава МИД ФРГ Х. Маас 10 июня 2019 г. посетил ИРИ и провел длительные закрытые переговоры со своим иранским коллегой М.Дж. Зарифом [Wiener Nuklearvereinbarung., 2019]. О стремлении ФРГ сохранить СВПД и в целом обеспечить нормализацию ситуации вокруг Ирана свидетельствует весьма эмоциональное высказывание Х. Мааса на пресс-конференции по итогам двусторонней встречи: «мы стараемся изо всех сил» [Remme, 2019]. Кроме того, в ходе переговоров Х. Маас пригласил М.Дж. Зарифа посетить саммит глав государств и правительств G7 в Биаррице (Франция, 24–26 августа 2019 г.). Тем самым Германия (де-факто от имени Е3) попыталась взять на себя функцию посредника по восстановлению прямого диалога между США и ИРИ.

И хотя встреча президента США Д. Трампа и министра иностранных дел ИРИ М.Дж. Зарифа в Биаррице не состоялась, сама попытка ее проведения способствовала сохранению СВПД.

В начале 2020-х годов кабинет А. Меркель, признавая наличие существенных проблем, обусловленных эскалацией напряженности вокруг Ирана, все же достаточно позитивно рассматривал развитие ситуации по сохранению «ядерной сделки». Германия по-прежнему была готова выполнять функции «пожарной команды» в случае инцидентов провокационного характера, организуемых США.

В данной связи также показательно возрастание внимания ФРГ к переговорам по урегулированию северокорейской «ядерной проблемы», которые до этого проходили без сколько-нибудь заметного участия Германии. Так, 21 августа 2019 г. на переговорах с Б. Джонсоном А. Меркель предложила скоординировать усилия «евротройки» в отношении КНДР, опираясь на позитивный опыт по сохранению СВПД [Pressekonferenz..., 2019]. Не исключено, что в будущем официальный Берлин попытается использовать провал переговоров Д. Трампа и Ким Чен Ына в Ханое (28 февраля 2019 г.) наряду с демонстрацией своей способности противодействовать попыткам США «обрушить» механизм выполнения СВПД для полномасштабного включения в переговоры по денуклеаризации Корейского полуострова. Это будет логичным продолжением усилий Германии по сокращению количества стран – обладательниц ОМУ / ОМП (или как минимум по недопущению увеличения их числа) для компенсации своего неядерного статуса.

Германия и прекращение действия договора РСМД

Процесс объединения Германии не только совпадал хронологически с формированием системы контроля над стратегическими вооружениями, но, безусловно, был теснейшим образом связан с окончанием холодной войны. Соглашения, заключенные между СССР (и Россией как его правопреемницей) и США в области ограничения ракетно-ядерных вооружений – прежде всего Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД, 1987), Договор о сокращении стратегических наступательных воо-

ружений (СНВ-I, 1991), Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП, 2002) и Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-III, 2010), – имели для ФРГ особое значение. Во-первых, реализация этих договоров вкупе с выводом советских войск из ФРГ (1994) и бывших стран – участниц ОВД (1991–1992) сводила к минимуму основные военные угрозы для Федеративной Республики в понимании ее истеблишмента [Weissbuch., 1994, S. 23–31]. Боннская республика де-факто (а с момента расширения НАТО на восток и де-юре) перестала быть «передним краем» территории Альянса. Соответственно, это позволило ФРГ перенаправить значительные ресурсы (в том числе военные) с обеспечения своей территориальной обороны на решение широкого круга проблем безопасности вне зоны ответственности НАТО. Во-вторых, успешная имплементация ДРСМД и СНВ / СНП (в сторону последовательного уменьшения количества единиц ЯО и его носителей, имевшихся на вооружении у США и СССР / РФ) была выгодна ФРГ, поскольку таким образом частично нивелировался ее добровольный отказ от производства, владения и распоряжения ОМУ / ОМП.

Именно поэтому заявление администрации Д. Трампа о намерении выйти из ДРСМД (20 октября 2018 г.) вызвало повышенную обеспокоенность официального Берлина. Так, в своем выступлении 21 октября 2018 г. глава МИД ФРГ Х. Маас отметил, что «Соединенные Штаты создают нам (Германии) и Европе серьезные проблемы» [Außenminister Maas., 2018]. Подчеркнув опасность планов США, он тем не менее признал правомерность обвинений, выдвинутых администрацией Д. Трампа в отношении РФ: «В прошлом мы обращали внимание России на то, что при исполнении договора она допускает значительные нарушения. К сожалению, Россия ничего не сделала в этом направлении» [Ibid.].

Соответственно, уже в конце 2018 г. ФРГ одновременно выражала обеспокоенность планами США по выходу из ДРСМД и критиковала РФ. В своем выступлении перед Бундестагом (8 ноября 2018 г.), специально посвященном вопросу сохранения ДРСМД, Х. Маас заявил, что еще при администрации Б. Обамы Россию

«предупреждали о нарушениях договора с ее стороны», подчеркнув, что этот вопрос неоднократно обсуждался в ходе заседаний Совета Россия – НАТО [Rede von Außenminister., 2018]. В своем интервью в преддверии встречи глав внешнеполитических ведомств стран – участниц НАТО по вопросу сохранения ДРСМД (1 декабря 2018 г.) Х. Маас повторил эти обвинения [Mit diplomatischen Mitteln., 2018].

Германская дипломатия внесла определенный вклад в «оттягивание» окончательного решения США о выходе из ДРСМД, однако в целом следует подчеркнуть, что ФРГ не предпринимала никаких масштабных политических попыток, направленных на сохранение этого договора в силе (в отличие от того, как было в случае СВПД). Это тем более удивительно, что официальный Берлин небезосновательно считал ДРСМД одной из главных опор архитектуры европейской безопасности [Rede von Außenminister., 2018].

Чем в таком случае была обусловлена ограниченная активность Германии по сохранению ДРСМД? Формально основная причина этого – поддержка позиции США по обвинению РФ в нарушении договора. Однако, с точки зрения автора, на самом деле позицию ФРГ определяли также иные причины. К октябрю 2018 г. официальный Берлин убедился в том, что остановить «паровой каток» деятельности администрации 45-го президента США, последовательно руководствующейся принципами «трампизма», чрезвычайно сложно, если не сказать невозможно. По мнению автора, «трампизм» как политическая тактика в первую очередь подразумевает скорейшее продвижение по пути решения тактических задач (даже в ущерб стратегическим целям) с целью демонстрации максимально полного «реального» суверенитета США в упрощенном понимании этого термина [Schaller, 2019, S. 8–9]; именно с этим связана тактика добровольного отказа от принятых многосторонних обязательств (или их пересмотра с целью монетаризации). Несмотря на прилагаемые усилия (включая поездку А. Меркель в США 27 апреля 2018 г.), ФРГ не смогла добиться, чтобы администрация Д. Трампа отказалась от своего намерения выйти из СВПД (8 мая 2018 г.), как ранее не удалось добиться, чтобы Белый дом из-

менил свою политическую повестку по другим чувствительным вопросам международной безопасности: в частности, относительно выхода из Парижского соглашения по климату (1 июня 2017 г.) и признания суверенитета Израиля над всем Иерусалимом (6 декабря 2017 г.). Этот опыт, показавший неэффективность лобового сдерживания «трампизма», был учтен при разработке германской позиции по ДРСМД. Показательно, что она была озвучена уже через день (!) после заявления Д. Трампа о намерении выйти из договора, что говорит о детальной заблаговременной подготовке, проведенной официальным Берлином. В случае ДРСМД ситуация усугублялась тем, что, в отличие от остальных договоренностей (СВПД, Парижского соглашения по климату, коллективной позиции стран Запада по арабо-израильскому урегулированию), Германия не являлась де-юре одной из сторон договора, а значит, формально не могла в полной мере участвовать в переговорном процессе.

Таким образом, избегая поиска симметричных ответов на действия администрации Д. Трампа, ФРГ стремится реализовывать асимметричные шаги, иллюстрацией чего стало принятие различных мер по сохранению СВПД, Парижского соглашения по климату и отказу от пересмотра переговорной позиции по урегулированию арабо-израильского конфликта. На первый взгляд, то же самое происходит и в ситуации с ДРСМД. Так, 2 августа 2019 г., в день прекращения действия ДРСМД, Х. Маас выступил с призывом немедленно подписать новый договор, подобный утраченному. При этом он обратился ко всем (!) ядерным державам, включая Великобританию, Францию, Китай [Ende des INF-Vertrags., 2019]. Разумеется, в руководстве ФРГ не могли не понимать, что подобное предложение делает выработку нового соглашения крайне маловероятным. Соответственно, инициатива Х. Мааса была скорее имиджевым ходом; тем не менее на деле глава МИД Германии выдвинул предложение, учитывающее интересы США, поскольку повторил неоднократно озвучивавшийся администрацией Д. Трампа тезис о необходимости подписания нового договора с участием Китая (разработка в КНР ракетных носителей среднего и меньшего ра-

диуса действий также была одним из поводов для демонтажа ДРСМД) [Meier, 2019, S. 4].

Возникает вопрос: как далеко готова продвинуться ФРГ в реализации мер по ограничению негативных последствий аннулирования ДРСМД, не говоря уже о заключении нового аналогичного договора? Важнейшим шагом в этом направлении могло бы стать ясно выраженное нежелание ФРГ предоставлять партнерам по НАТО (прежде всего США) свою территорию для размещения ракет средней и меньшей дальности. Однако к декабрю 2019 г. официальный Берлин (как и немногим ранее официальный Париж) в ответ на запрос РФ, сделанный по дипломатическим каналам, продемонстрировал очевидную неготовность заключить мораторий на размещение РСМД в Европе [Германия не приняла..., 2019].

Итак, Германия отнюдь не относится к числу апологетов идеи сохранения ДРСМД. Почему?

Во-первых, Германия не хочет еще более ухудшать и без того напряженные отношения с Белым домом при администрации Д. Трампа. В настоящее время по ряду направлений в двусторонних отношениях практически достигнуто «дно», и германский истеблишмент полагает, что теперь от него можно «оттолкнуться» для медленного подъема. Несмотря на то что США продолжают вводить санкции, затрагивающие интересы своего партнера (из-за «Северного потока-2»), в дипломатических кругах обсуждается возможность подготовки первого официального визита Д. Трампа в ФРГ – впервые за весь срок его президентства (хотя не исключено, что эта поездка станет лишь началом новой фазы давления на Германию). На этом фоне активное противодействие планам Соединенных Штатов может привести лишь к дальнейшему росту напряженности в двусторонних отношениях, включая крайне чувствительный для германской стороны вопрос о «недофинансированности» оборонного бюджета ФРГ, о чем ей постоянно напоминает Белый дом. В 2019 г. официальный Берлин потратил на оборону 1,36% от своего ВВП (для сравнения: в 2015 г. военные расходы ФРГ составляли 1,18%; при этом в 2019 г. средний уровень военных расходов европейских стран – членов НАТО составлял 1,58%) [Defence expenditure..., 2019, p. 7]. Соответственно, нынешние

военные расходы ФРГ существенно ниже, чем необходимо для достижения утвержденного на Уэльском саммите НАТО (2014) целевого показателя расходов на оборону в 2% от ВВП к 2024 г. Таким образом, проводя «мягкую» политическую линию и учитывая интересы США в вопросе отхода от ДРСМД, официальный Берлин снижает потенциальную возможность критики в свой адрес.

Во-вторых, ФРГ не может не учитывать ясно сформулированные позиции своих союзников по НАТО и ЕС – особенно Франции, не выказывающей особого желания включаться в переговорный процесс по новому ДРСМД, и Литвы, проявляющей существенную обеспокоенность в связи с возможным началом «гонки вооружений», особенно ракетно-ядерных, в регионе Балтийского моря (данная тема обсуждалась на встрече А. Меркель и президента Литвы Г. Науседы 14 августа 2019 г., менее чем через две недели после прекращения действия ДРСМД [Pressekonferenz..., 2018 b]). Позиция Великобритании по вопросу ДРСМД близка позиции Франции, а Германия стремится сохранить сотрудничество с Соединенным Королевством в максимальном объеме, несмотря на Брекзит (и даже вопреки этому), как по линии НАТО, так и по треку «евротройки», развала которой из-за ДРСМД официальный Берлин допустить не может.

Соответственно, в условиях прекращения действия Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности Германия стремится обеспечить себе максимальную свободу маневра, разумеется, с учетом не только позиций своих партнеров по НАТО, но и собственных интересов.

ФРГ все более активно и масштабно (в том числе и в собственно военном плане) встраивается в систему «сдерживания» РФ. Так, программа развития бундесвера в 2017–2018 гг. предусматривает в среднесрочной перспективе наращивание сил общего назначения («тяжелых» бригад и дивизий с приданием им межвидового характера), предназначенных прежде всего для использования в составе сил передового развертывания и сил быстрого реагирования НАТО [Bundeswehr-Pläne., 2017]. В этой связи не только сам факт, но даже декларация планов по развертыванию ракет средней и меньшей дальности является «сильным аргументом» в новой хо-

лодной войне как со стороны Альянса в целом, так и со стороны каждой из его стран-участниц.

С одной стороны, свобода маневра в деле размещения РСМД на своей территории выгодна Германии (особенно с учетом ее добровольного отказа от производства, владения и распоряжения ОМУ / ОМП): во-первых, в случае углубления конфронтации «коллективного» Запада и России это позволит упрочить «ядерный зонтик» НАТО над ее территорией; во-вторых, позиции ФРГ на будущих переговорах в области контроля над ракетно-ядерными вооружениями в таком случае значительно укрепятся. Последнее для официального Берлина особенно важно – и сам факт запроса к Федеративной Республике Германии (с учетом ее неядерного статуса) по поводу ДРСМД со стороны РФ уже показал результативность такой политической линии [Германия не приняла..., 2019].

С другой стороны, обеспечение свободы маневра в вопросе о размещении РСМД на территории Германии несет в себе значительные риски.

Во-первых, согласие на размещение РСМД де-факто приведет к усилению ракетно-ядерного потенциала РФ (прежде всего в Калининградской области), что создаст уже не гипотетическую, а экзистенциальную угрозу безопасности ФРГ. Весьма вероятно, что в политическом плане это станет причиной дальнейшего укрепления позиций фланговых германских партий (прежде всего «Альтернативы для Германии» и «Левой»), что может быть чревато частичной или даже полной утратой власти для действующего истеблишмента. Кроме того, предоставление своей территории для размещения РСМД неизбежно приведет к вынужденному пересмотру политического курса Германии на «стратегическую сдержанность» в отношении РФ, который был весьма выигрышным в реалиях середины – второй половины 2010-х годов.

Во-вторых, администрация Д. Трампа, размещая на германской территории американские ракеты под предлогом защиты ФРГ от «российской угрозы», как обычно, станет требовать от официального Берлина «компенсации» – увеличения военных расходов в связи с ростом закупок американских вооружений и военной техники, а также увеличения вклада в деятельность НАТО как в Евро-

пе, так и вне зоны ответственности Альянса. Иное звучание приобретает и вопрос о сохранении военного присутствия США на территории ФРГ. В любом случае Германия вновь окажется в роли «младшего партнера» США, и это станет препятствием для последовательного упрочения ее позиций в НАТО и Евро-Атлантическом сообществе, что, в свою очередь, также может ослабить позиции действующего германского истеблишмента в пользу оппозиционных сил.

Наконец, в-третьих, размещение иностранных ракетно-ядерных вооружений (и дополнительных войск) приведет к активизации дискуссий о полноте реального суверенитета ФРГ, в которых с особой выгодой для себя участвует «Альтернатива для Германии» [Unser Grundsatzprogramm., 2019]. При этом против размещения РСМД выступит не только известная своими пацифистскими настроениями «Левая», но и партия «Зеленые», последовательно протестующая против дислокации тактических ядерных боезарядов США (20 штук) на германской базе «Бюхель» [Gebauer, Wittrock, 2019].

Теоретически ФРГ могла бы поставить вопрос о своем соучастии в управлении ракетно-ядерным потенциалом США, размещаемым на ее территории под эгидой НАТО. Однако тем самым официальный Берлин нарушит Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии (от 12 сентября 1990 г.), а такой шаг формально аннулирует и согласие держав-победительниц на объединение страны. В начале 2020-х годов подобное развитие событий все же кажется маловероятным.

В настоящее время наиболее вероятным представляется следующий сценарий: с учетом всех обозначенных преимуществ и рисков Германия, скорее всего, откажется от принятия обязательств по неразмещению ракет средней и меньшей дальности на своей территории, при этом давая понять, что не намерена осуществлять такой шаг без крайней необходимости. Данная позиция обеспечивает наиболее выгодные условия для включения официального Берлина в новые переговорные процессы в области ограничения и контроля над ракетно-ядерными вооружениями без изменения нынешнего статуса ФРГ как страны, добровольно отказавшейся от

производства, владения и распоряжения ОМУ / ОМП. При этом в вопросах, касающихся перезаключения ДРСМД, Германия будет действовать в тесной связке со своими партнерами по НАТО, в том числе с США и Великобританией.

Уместно предположить, что и в случае кризиса с пролонгацией СНВ-III переговорная схема Германии в основном будет аналогичной. Косвенным подтверждением этого служит подход ФРГ к заключению Договора о запрещении ядерного оружия: Германия не принимала участия в переговорном процессе и не участвовала в голосовании на Генеральной Ассамблее ООН (7 июля 2017 г.), хотя заключение такого договора было бы крайне выгодно ФРГ (как стране, добровольно отказавшейся от производства, владения и распоряжения ОМУ / ОМП), ибо полностью нивелировало бы ее самоограничения. Чем обусловлена позиция Германии по неприятию этого документа? Во-первых, низкой вероятностью его глобальной имплементации, чему препятствует отсутствие поддержки со стороны «ядерных держав» – как легальных, так и непризнанных. Во-вторых, политической ориентированностью официального Берлина на союзников по НАТО (прежде всего США, Великобританию и Францию). Наконец, в-третьих, косвенным образом это может свидетельствовать о наличии у ФРГ латентных «ядерных амбиций» и связанного с этим желания сохранить возможность для их реализации в отдаленной перспективе.

Характер стратегической линии Германии в области нераспространения ОМУ / ОМП продолжает быть компенсационным с учетом статуса страны в данной сфере. Однако при данном общем знаменателе числители политики ФРГ по договоренностям, основной предмет которых находится за пределами Европы или на континенте, существенно отличаются.

Как показал пример СВВД, официальный Берлин последовательно стремится к сохранению «сделок» с государствами Азии, добровольно отказавшимися от обладания ОМУ. При этом ФРГ демонстрирует готовность и достаточно высокую способность (особенно в общеполитической плоскости) противостоять давлению США в лице администрации Д. Трампа, переходя к контрнаступле-

тельными действиям (включая обеспечение активного участия Великобритании в формате ЕЗ).

Напротив, как видно из процесса прекращения существования ДРСМД, в отношении договоров в области контроля над ракетно-ядерными вооружениями с полномасштабным участием США официальный Берлин проявляет повышенную осторожность и не прилагает крупномасштабных усилий для их сохранения. В целом от ФРГ следует ожидать линии на максимальное сохранение свободы маневра в вопросах наращивания ракетно-ядерного потенциала НАТО в Европе, в том числе на территории самой Федеративной Республики.

В целом во второй половине 2010-х годов активность и, что более значимо, удельный вес Германии в переговорной сфере в области контроля над распространением ракетно-ядерных вооружений заметно возросли. Современный кризис контроля над ними таит в себе не только серьезные риски безопасности, но и большие возможности для укрепления позиций ФРГ, в том числе частичного (в отдаленной перспективе – и полного) нивелирования самоограничений, содержащихся в Договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии (1990).

Литература

Германия не приняла предложение России о моратории на РСМД в Европе // РИА-Новости. – М., 2019. – 28.11. – Режим доступа: <https://ria.ru/20191128/1561713181.html> (Дата обращения – 04.02.2020).

Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. – М.: Международные отношения, 1994. – Вып. 47. – С. 34–37.

Из беседы М.С. Горбачева с Г. Колем: Архыз, 16 июля 1990 г. // Михаил Горбачев и германский вопрос: сборник документов. – М.: Весь мир, 2006. – С. 507–524.

Лекаренко О.Г. Проблема разделения ядерной ответственности в НАТО в годы президентства Л. Джонсона // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2015. – № 401. – С. 108–116.

Aktuelle Krisen gemeinsam angehen: E3-Treffen in Paris / Auswärtiges Amt. – Berlin, 2019. – 11.11. – Mode of access: <https://www.auswaertiges->

amt.de/de/aussepolitik/europa/aussepolitik/maas-e3-paris/2265532 (Date of access – 04.02.2020).

Außenminister Maas zur Ankündigung der USA, sich aus dem INF-Vertrag zurückzuziehen / Auswärtiges Amt. – Berlin, 2018. – 21.10. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-inf-vertrag/2151668> (Date of access – 04.02.2020).

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem iranischen Präsidenten Hassan Rohani / Bundeskanzleramt. – Berlin, 2018. – 10.05. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-iranischen-praesidenten-hassan-rohani-1121126> (Date of access – 04.02.2020).

Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei Divisionen bekommen // DBWV. – Berlin, 2017. – 19.04. – Mode of access: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/> (Date of access – 04.02.2020).

Defence expenditure of NATO countries (2012–2019): Press release / NATO. Public diplomacy division. – Brussels, 2019. – 16 p.

Deutschland und Iran: Bilaterale Beziehungen / Auswärtiges Amt. – Berlin, 2019. – 25.06. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussepolitik/laender/iran-node/bilateral/202402> (Date of access – 04.02.2020).

E3 statement on the Joint Comprehensive Plan of Action / Auswärtiges Amt. – Teheran, 2019. – 14.07. – Mode of access: <https://teheran.diplo.de/ir-de/aktuelles/-/2233350> (Date of access – 04.02.2020).

Ende des INF-Vertrags: «Kein guter Tag für Sicherheit in Europa» // Deutschlandfunk. – Köln, 2019. – 02.08. – Mode of access: https://www.deutschlandfunk.de/ende-des-inf-vertrags-kein-guter-tag-fuer-die-sicherheit-in-694.de.html?dram:article_id=455365 (Date of access – 04.02.2020).

Gebauer M., Wittrock Ph. Die Bomben von Büchel // Spiegel. – Hamburg, 2019. – 06.02. – Mode of access: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/us-atomwaffen-in-deutschland-die-atom-eier-von-buechel-a-1251697.html> (Date of access – 04.02.2020).

Gemeinsame Erklärung Deutschlands, Frankreichs und Großbritanniens zum Rückzug der Vereinigten Staaten aus dem Nuklearabkommen mit Iran / Bundeskanzleramt. – Berlin, 2018. – 08.05. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/gemeinsame-erklaerung-deutschlands-frankreichs-und-grossbritanniens-zum-rueckzug-der-vereinigten-staaten-aus-dem-nuklearabkommen-mit-iran-1008436> (Date of access – 04.02.2020).

Iran nuclear deal: Germany's special role and plans // Deutsche Welle. – Bonn, 2018. – 08.05. – Mode of access: <https://www.dw.com/en/iran-nuclear-deal-germanys-special-role-and-plans/a-43701214> (Date of access – 04.02.2020).

Leemhuis R. Iran's destructive regional policy: Security policy working paper / Federal academy of security policy. – Berlin, 2018. – 6 p.

Major C. Die Rolle der NATO für Europas Verteidigung / Stiftung Wissenschaft und Politik. Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. – Berlin, 2019. – 42 S.

Meier O. Rüstungskontrolle jenseits des INF-Vertrags / Stiftung Wissenschaft und Politik. – Berlin, 2019. – 8 S.

Mit diplomatischen Mitteln lösen / Auswärtiges Amt. – Berlin, 2018. – 01.12. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-noz-ukraine-klima-inf/2165928> (Date of access – 04.02.2020).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Präsidenten der Republik Litauen, Gitanas Nausėda / Bundeskanzleramt. – Berlin, 2018 b. – 14.08. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-praesidenten-der-republik-litauen-gitanas-nauseda-1659520> (Date of access – 04.02.2020).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Premierministers des Vereinigten Königreichs Großbritannien und Nordirland, Johnson / Bundeskanzleramt. – Berlin, 2019. – 21.08. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-premierministers-des-vereinigten-koenigreichs-grossbritannien-und-nordirland-johnson-1662626> (Date of access – 04.02.2020).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und US-Präsident Trump / Bundeskanzleramt. – Berlin, 2018 a. – 27.04. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-us-praesident-trump-1007826> (Date of access – 04.02.2020).

Rede von Außenminister Heiko Maas anlässlich der Aktuellen Stunde des Bundestages: «Zur Zukunft des INF-Vertrages als Kern element europäischer Sicherheit» / Auswärtiges Amt. – Berlin, 2018. – 08.11. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-bundestag-inf-vertrag/2158958> (Date of access – 04.02.2020).

Remme K. Maas im Iran: «Wir bemühen uns nach Kräften» // Tagesschau. – Berlin, 2019. – 10.06. – Mode of access: <https://www.tagesschau.de/ausland/maas-iran-117.html> (Date of access – 04.02.2020).

Rudolf P. US-Geopolitik und nukleare Abschreckung in der Ära neuer Großmachtrivalitäten / Stiftung Wissenschaft und Politik. Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. – Berlin, 2018. – 30 S.

Schaller Ch. «America First» – wie Präsident Trump das Völkerrecht strapaziert / Stiftung Wissenschaft und Politik. Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. – Berlin, 2019. – 36 S.

Von Richter W. Europa und INF-Vertrag: Verdammt zur Zuschauerrolle? / Bundeszentrale für politische Bildung. – Berlin, 2019. – 10 S.

Weissbuch zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Lage und Zukunft der Bundeswehr / Bundesministerium der Verteidigung. – Bonn, 1994. – 152 S.

Wiener Nuclearvereinbarung erhalten: Außenminister Maas in Teheran / Auswärtiges Amt. – Berlin, 2019. – 10.06. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/iran-node/maas-teheran/2225052> (Date of access – 04.02.2020).

Unser Grundsatzprogramm für Deutschland / AfD. – Berlin, 2019. – 04.07. – 190 p. – Mode of access: <https://www.afd.de/grundsatzprogramm/#langversion> (Date of access – 04.02.2020).

DOI: 10.31249/ape/2020.03.06

Trunov Ph.O.¹, 2020

The phenomenon of the power without the right to possess WMD: Germany and the arms control crisis

Abstract. *In the Euro-Atlantic community, Germany is an emerging power which has no right to produce, possess and have at its disposal all key types of weapons of mass destruction. The article analyzes the strategic line of Germany in the current arms control crisis. The paper shows the historical determination of the voluntary non-nuclear status of Germany, which was defined in the Treaty on the Final Settlement with Respect to Germany (1990). It is noted that this prohibition became a prerequisite for the compensatory strategic line of the FRG to prevent an increase in the number of states possessing weapons of mass destruction.*

In this regard, the efforts of the FRG to prepare and conclude an agreement on the Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA, 2015) for the Iranian nuclear program are examined. Germany joined the negotiation process in the framework of the format «E3» (the United Kingdom, Germany, France); the use of the scheme «E3+3» instead of «5+1», aimed at leveling of the non-nuclear status of the FRG, which, unlike other members of the «Iranian six»,

¹ **Trunov Philipp Olegovich** – Ph.D. in Political Sciences, Senior Researcher, INION RAN (1 trunov@mail.ru).

does not have a permanent seat on the UN Security Council. The article also considers Germany's efforts to maintain the JCPOA and its strategy after the US withdrawal from this agreement. The successes and failures of the FRG (essentially derived from the US economic sanctions against Iran) in preserving the «nuclear deal» with Iran are analyzed. Particular attention is paid to the dynamics and prospects of using the «E3» format.

Expressing concern over US plans to withdraw from the Treaty on the Elimination of Intermediate-Range and Shorter-Range Missiles (INF Treaty), Germany at the same time consistently criticized Russia for not complying with the terms of this treaty. The article emphasizes the determinism of Germany's refusal of the Russian initiative to introduce a moratorium on the deployment of INF arms in Europe and considers possible scenarios of the FRG's actions in the event of a crisis with prolongation of the START-III treaty taking into account Germany's position regarding the signing of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons.

Keywords: Germany, non-nuclear status, JCPOA, INF Treaty, E3, arms control, NATO, Trump.

References

Aktuelle Krisen gemeinsam angehen: E3-Treffen in Paris. (2019) / Auswärtiges Amt. – Berlin. – 11.11. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/europa/aussenpolitik/maas-e3-paris/2265532> (Date of access – 04.02.2020).

Außenminister Maas zur Ankündigung der USA, sich aus dem INF-Vertrag zurückzuziehen. (2018) / Auswärtiges Amt. – Berlin. – 21.10. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-inf-vertrag/2151668> (Date of access – 04.02.2020).

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem iranischen Präsidenten Hassan Rohani. (2018) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 10.05. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-iranischen-praesidenten-hassan-rohani-1121126> (Date of access – 04.02.2020).

Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei Divisionen bekommen. (2017) // DBWV. – Berlin. – 19.04. – Mode of access: www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisio-nen-bekommen/ (Date of access – 04.02.2020).

Defence expenditure of NATO countries (2012–2019): Press release. (2019) / NATO. Public diplomacy division. – Brussels. – 16 p.

Deutschland und Iran: Bilaterale Beziehungen. (2019) / Auswärtiges Amt. – Berlin. – 25.06. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/ausussenpolitik/laender/iran-node/bilateral/202402> (Date of access – 04.02.2020).

E3 statement on the Joint Comprehensive Plan of Action. (2019) / Auswärtiges Amt. – Teheran. – 14.07. – Mode of access: <https://teheran.diplo.de/ir-de/aktuelles/-/2233350> (Date of access – 04.02.2020).

Ende des INF-Vertrags: «Kein guter Tag für Sicherheit in Europa». (2019) // Deutschlandfunk. – Köln. – 02.08. – Mode of access: https://www.deutschlandfunk.de/ende-des-inf-vertrags-kein-guter-tag-fuer-die-sicherheit-in.694.de.html?dram:article_id=455365 (Date of access – 04.02.2020).

Gebauer M., Wittrock Ph. (2019). Die Bomben von Büchel // Spiegel. – Hamburg. – 06.02. – Mode of access: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/us-atomwaffen-in-deutschland-die-atom-eier-von-buechel-a-1251697.html> (Date of access – 04.02.2020).

Gemeinsame Erklärung Deutschlands, Frankreichs und Großbritanniens zum Rückzug der Vereinigten Staaten aus dem Nuklearabkommen mit Iran. (2018) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 08.05. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/gemeinsame-erklaerung-deutschlands-frankreichs-und-grossbritanniens-zum-rueckzug-der-vereinigten-staaten-aus-dem-nuklearabkommen-mit-iran-1008436> (Date of access – 04.02.2020).

Germany did not accept Russia's proposal for a moratorium on intermediate and shorter-range missiles in Europe [*Germaniya ne prinyala predlozhenie Rossii o moratorii na RSMD v Evrope*]. (2019) // RIA-Novosti. – Moscow. – 28.11. – Mode of access: <https://ria.ru/20191128/1561713181.html> (Date of access – 04.02.2020).

From the negotiations between M.S. Gorbachev and H. Kohl: Arkhyz, 16 July 1990 [*Iz besedy M.S. Gorbacheva s G. Kolem: Arkhyz, 16 iyulya 1990 g.*]. (2006) // Mikhail Gorbachev and the German question: The collection of documents [*Mikhail Gorbachev i germanskii vopros: Sbornik dokumentov*]. – Moscow: Ves' mir. – P. 507–524.

Iran nuclear deal: Germany's special role and plans. (2018) // Deutsche Welle. – Bonn. – 08.05. – Mode of access: <https://www.dw.com/en/iran-nuclear-deal-germanys-special-role-and-plans/a-43701214> (Date of access – 04.02.2020).

Leemhuis R. (2018). Iran's destructive regional policy: Security policy working paper / Federal academy of security policy. – Berlin. – 6 p.

Lekarenko O.G. (2015). The problem of the division of nuclear responsibility in NATO during the years of L. Johnson's presidency [*Problema razdeleniya*

yadernoi otvetstvennosti v NATO v gody prezidentstva L. Dzhonsona] // Bulletin of Tomsk state univ. – Tomsk. – N 401. – P. 108–116.

Major C. (2019). Die Rolle der NATO für Europas Verteidigung / Stiftung Wissenschaft und Politik. Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. – Berlin. – 42 S.

Meier O. (2019). Rüstungskontrolle jenseits des INF-Vertrags / Stiftung Wissenschaft und Politik. – Berlin. – 8 S.

Mit diplomatischen Mitteln lösen. (2018) / Auswärtiges Amt. – Berlin. – 01.12. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-noz-ukraine-klima-inf/2165928> (Date of access – 04.02.2020).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Präsidenten der Republik Litauen, Gitanas Nausėda. (2018 b) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 14.08. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-praesidenten-der-republik-litauen-gitanas-nauseda-1659520> (Date of access – 04.02.2020).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Premierministers des Vereinigten Königreichs Großbritannien und Nordirland, Johnson. (2019) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 21.08. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-premierministers-des-vereinigten-koenigreichs-grossbritannien-und-nordirland-johnson-1662626> (Date of access – 04.02.2020).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und US-Präsident Trump. (2018 a) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 27.04. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-us-praesident-trump-1007826> (Date of access – 04.02.2020).

Rede von Außenminister Heiko Maas anlässlich der Aktuellen Stunde des Bundestages: «Zur Zukunft des INF-Vertrages als Kern element europäischer Sicherheit». (2018) / Auswärtiges Amt. – Berlin. – 08.11. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-bundestag-inf-vertrag/2158958> (Date of access – 04.02.2020).

Remme K. (2019). Maas im Iran: «Wir bemühen uns nach Kräften» // Tagesschau. – Berlin. – 10.06. – Mode of access: <https://www.tagesschau.de/ausland/maas-iran-117.html> (Date of access – 04.02.2020).

Rudolf P. (2018). US-Geopolitik und nukleare Abschreckung in der Ära neuer Großmachtrivalitäten / Stiftung Wissenschaft und Politik. Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. – Berlin. – 30 S.

Schaller Ch. (2019). «America First» – wie Präsident Trump das Völkerrecht strapaziert / Stiftung Wissenschaft und Politik. Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. – Berlin. – 36 S.

Treaty on the Final Settlement with Respect to Germany, 12 September 1990 [*Dogovor ob okonchatel'nom uregulirovanii v otnoshenii Germanii ot 12 sentyabrya 1990 g.*]. (1994) // The collection of international agreements signed by the USSR and Russian Federation. Volume XLVII [*Sbornik mezhdunarodnykh dogovorov SSSR i Rossiiskoi Federatsii. Vypusk XLVII*]. – Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. – P. 34–37.

Von Richter W. (2019). Europa und INF-Vertrag: Verdammt zur Zuschauerrolle? / Bundeszentrale für politische Bildung. – Berlin. – 10 S.

Weissbuch zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Lage und Zukunft der Bundeswehr. (1994) / Bundesministerium der Verteidigung. – Bonn. – 152 S.

Wiener Nuklearvereinbarung erhalten: Außenminister Maas in Teheran. (2019) / Auswärtiges Amt. – Berlin. – 10.06. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/iran-node/maas-teheran/2225052> (Date of access – 04.02.2020).

Unser Grundsatzprogramm für Deutschland. (2019) / AfD. – Berlin. – 04.07. – 190 p. – Mode of access: <https://www.afd.de/grundsatzprogramm/#langversion> (Date of access – 04.02.2020).